

Джессика Хиш

**ПРО
ЛЕТТЕРИНГ**

**От карандашного наброска
до векторной графики:
процесс работы
профессионального
леттерера**

сем наставникам, благодаря которым мой неисправимый оптимизм и детская восторженность вылились в желание и умение поделиться знаниями со всеми, кто идет по тому же пути. Я безмерно вам благодарна.

Содержание

Предисловие.....	8
Введение.....	10
Искусство типографики. Леттеринг, каллиграфия и шрифтовой дизайн	16

Процесс

Создание леттеринга: от белого листа до готовой работы	20
---	----

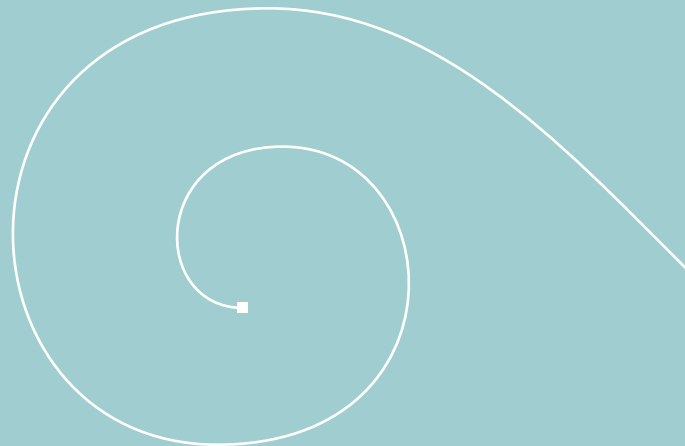
Инструменты для рисования.....	22
Цифровые инструменты.....	28
Программы и сервисы	32
Исследование и мозговой штурм.....	34
Миниатюры	36
Эскизы	38
Скелет	
Тело	
Одежда	
Векторная графика.....	52
Рисуй, стирай, повторяй	
Расположение опорных точек	
Добавление опорных точек на круглый объект	
Подсказки по векторному леттерингу	

Проекты

Процесс на практике: подходы к разным проектам	66
---	----

Редакционные проекты.....	68
Книги	88
Реклама	110
Логотипы	134
Разное.....	146

Благодарности.....	172
Предметный указатель	174

Предисловие

Луиза Фили

очень хорошо помню тот день. В 2006 году мне на глаза случайно попались рекламные открытки из серии «Двенадцать дней Рождества»¹.

Иллюстрации выглядели так необычно, что я тут же отправилась изучать сайт художницы. Хм. Надо же, и леттеринг очень симпатичный! Кто эта девушка? Информации нашлось немного: недавняя выпускница художественного колледжа, живет в Филадельфии. Я сразу же написала Джессике электронное письмо и попросила прислать портфолио. Ноль реакции. Отступить не в моих правилах, и я решила добраться до Джессики через ее преподавателей в Школе искусств и архитектуры Тайлер (Tyler School of Art and Architecture). На этот раз ответ не замедлил себя ждать. Джессика написала, что мое письмо попало в спам и она сможет приехать в Нью-Йорк через месяц. Через месяц? Что ж, подожду.

В тот знаменательный день я встретила художницу на пороге своей студии. Джессика привезла портфолио, весившее, кажется, больше, чем она сама. Упаковка блестела — краем глаза я отметила, что это просто мусорные пакеты.

Я знала, что беру Джессику, даже не досмотрев до конца ее работы. Две недели спустя она переехала в Нью-Йорк и приступила к делу. В тот момент мы занимались обложкой книги о парижских кондитерских.

— Джессика, сделаешь бант из атласной ленты и ярлычок с надписью?

— Конечно!

Потом был путеводитель по шопингу в Марокко.

— А если сделать текст вышивкой с пайетками?

— Легко!

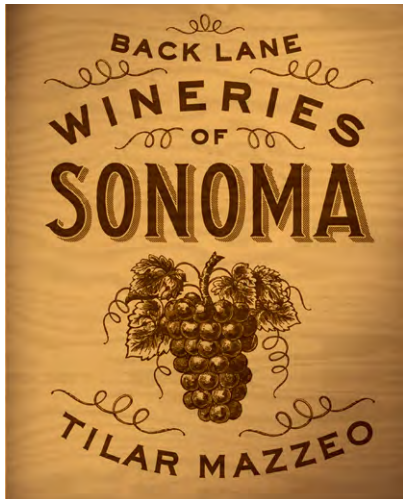
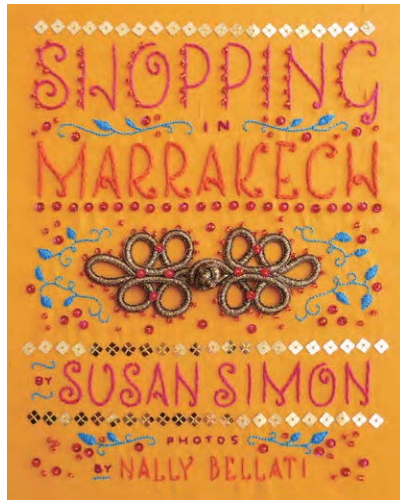
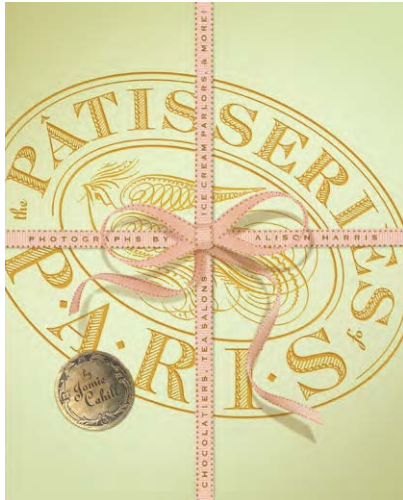
— А название кружевом?

Кажется, я сразу знала ответ. Можно было даже не спрашивать.

Она ничего не боялась. Уже через два месяца, пораженная энергией и способностями Джессики, я повысила ее до старшего дизайнера. Я восхищаюсь ею и сейчас. Мне приятно, что Джессика решила показать себя широкой публике (можно сказать, всему миру) и дать нам возможность порадоваться ее таланту.

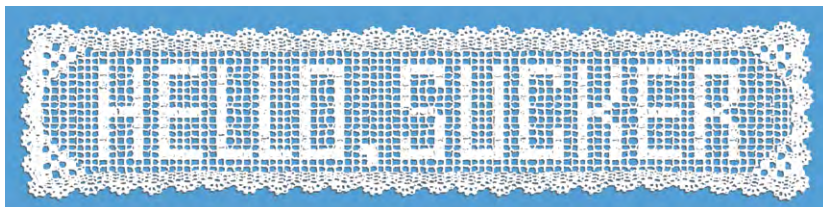
* Праздничный период в католической традиции с 25 декабря (Рождество) по 6 января (Богоявление). В эти дни проходят различные фестивали, распродажи и акции. *Здесь и далее прим. перев.*

Вверху. Луиза в моем костюме на Хеллоуин в 2008 году, когда я оделась как для официального портрета. Луиза относилась к моим чудачествам с поразительным снисхождением

Слева. Четыре книжные обложки, над которыми мы с Луизой работали для Little Bookroom. Внизу типографика в виде кружева для The New York Times

Введение

¹ Blue Comet Diner — популярный ресторан в Хазлтоне, работавший круглосуточно до 2011 года; прозвище объясняется тем, что его владельцем был грек. Автор обыгрывает созвучные слова comet (комета) и vomit (рвота).

² Zima — слабогазированный алкогольный напиток. Jolly Ranchers — американский производитель сладостей.

³ Католическая средняя школа в Хазлтоне. В американских школах учащиеся составляют свое расписание, выбирая предметы определенного направления.

⁴ Rhode Island School of Design — Школа дизайна Род-Айленда, одно из самых престижных в мире учебных заведений в области дизайна и искусства. School of Visual Arts — художественный колледж на Манхэттене, одно из ведущих учебных заведений по подготовке иллюстраторов и мультипликаторов в Нью-Йорке.

⁵ Частный колледж в Пенсильвании, основанный в 1868 году, где есть в том числе факультет визуальных искусств. Представители колледжей в США посещают школы и, изучив портфолио учеников, выносят предварительное решение о зачислении или отказе.

олько себя помню, я рисовала без передышки, целыми днями напролет. Но как превратить это в профессию, не очень понимала, да особо и не задумывалась.

Я признавалась родителям в любви к искусству и намерении стать художником, поэтом, гончаром (каждую неделю что-то новое). Удивительно, но отец — зубной врач — и мама — бывший научный сотрудник, а теперь домохозяйка — не возражали. Думаю, их устраивал послушный ребенок, который все свободное время посвящал своему малозатратному хобби.

Я выросла в провинциальной Пенсильвании, в Хазлтоне — городке, который, откровенно говоря, не назовешь центром культуры и искусства. Но детям там живется в общем-то неплохо. Думаю, я еще долго буду помнить местечковые истории, в которые попадала, слоняясь без дела по парковкам гипермаркетов (Blockbuster, Walmart, Sheetz и других) или подрабатывая официанткой в незабываемом греческом ресторане (Blue Comet, который между собой мы ласково называли Blue Vomit¹).

Лет до двенадцати я жила в счастливом и безоблачном мире — с бескрайними кукурузными полями, разбитыми коленками, наградами в конкурсах рисунка и излишней чувствительностью к замечаниям педагогов. Следующий школьный этап стал сплошной мукой. Мне кажется, всю свою взрослую жизнь мы пытаемся оправиться от последствий нескольких неловких подростковых лет. Я стала середнячком. Сами понимаете, невозможно серьезно учиться, если думаешь только о том, как стать популярной. Я лезла из кожи вон, чтобы меня приняла группка самонадеянных подростков. Меня приглашали на вечеринки без взрослых (распитие Zima или поедание Jolly Ranchers²), но я маялась всю ночь и чувствовала себя не в своей тарелке. Я подворачивала школьную юбку, балансируя на грани приличия, пробовала себя в чирлидинге (мне удалось попасть в команду таких же гимнастически бесперспективных пышек) и получала посредственные оценки. Никто не назвал бы меня трудным подростком. Меня просто не считали достойной титула «Самая перспективная». Побороться за победу я могла разве что в номинациях «Скорее всего, не облажается» или «Подружка про запас».

Возможно, мои проблемы покажутся вам надуманными или даже смешными, но мне хочется, чтобы вы поняли: я не всегда была такой трудолюбивой и целеустремленной, как сейчас.

Я мечтала о художественном образовании, но ждать помощи от Bishop Hafey High³ не приходилось. Все мои попытки сосредоточиться на творческих предметах принимались в штыки. Я говорила учителям, что собираюсь в художественный колледж, а мне советовали быть практичнее и посещать больше уроков математики. Единственный предмет по искусству вел бывший хиппи: он играл блюз на гитаре и был преисполнен благих намерений. Его уроки стали особенно популярными у членов школьной футбольной команды, которые рассчитывали легко заполучить высокий балл. Я чувствовала себя потерянной. С одной стороны, школа, равнодушная к моим потребностям, с другой — хаос собственных подростковых эмоций.

Тогда же развелись мои родители и моментально превратились из Мамы и Папы — божественных всемогущих созданий — в обычных людей. Это был беспокойный период, но подробности опушу. Я люблю родителей и не хочу, чтобы вы осуждали их поведение в сложный момент (надеюсь, вы не осудите и мои подростковые глупости). Я упомянула о разводе, поскольку очень из-за него переживала. Во мне разыгралась буря: я во что бы то ни стало решила сделаться самостоятельной, найти себя, свой путь. Чем сильнее накалялась обстановка дома, тем больше я ценила школу и настоящую дружбу. Всего лишь пару лет назад я мечтала о популярности, жаждала признания, а теперь потянулась к людям, которые приняли бы меня такой, какая я есть, добросердечным и отзывчивым.

В 11-м классе я перешла в государственную школу, и дела стали налаживаться. После уроков я подрабатывала и на сбережения (2500 долларов) купила поддержанную Mazda Protegé 1994 года. У меня появился парень — добрый, порядочный, мотивированный к учебе (что положительно сказывалось и на мне). Дружба плавно перетекла в отношения. Мы осыпали друг друга самодельными подарками (однажды он подарил мне на день рождения тысячу маленьких бумажных журавликов) и поддерживали в стремлении заниматься творчеством. Я снова стала регулярно рисовать — ненасытно, как

в детстве. Я изливала на бумагу свои чувства (получалось ужасно) и без перерыва слушала Smashing Pumpkins и Тори Эймс. Много лет меня мотало туда-сюда, но только не в направлении искусства, а тут я снова погрузилась в него со всей страстью.

Вряд ли я хотела бы вернуться в те годы, но все же благодарна за них судьбе. После развода родителей я изменилась: стала самостоятельнее, научилась лучше понимать людей, попавших в сложную ситуацию, и вообще полюбила все хорошее в окружающих. Если вы спросите, в чем причина такого позитивного отношения к людям, почему я завожу необычных друзей в интернете и готова выпить кофе со всеми, кто пишет приятные письма, отвечу: опыт тех лет. Я хочу, чтобы меня всегда окружали доброжелательные люди.

Приближалось окончание школы, но я не строила радужных планов. Желание заниматься искусством разгорелось с новой силой, а на колледж было отложено всего пять тысяч долларов. Мне не светили серьезный грант или стипендия. В старших классах я выбрала все творческие предметы, но три семестра увлеченной работы не могли восполнить упущенное за предыдущие годы. Я не посещала творческие факультативы, а большую часть моего портфолио составляли тщательно отрисованные натюрморты с обувью. Однако учителя верили в меня и старались поддержать, и это придавало сил. Конечно, я думала о RISD, или SVA⁴, или любом другом арт-колледже Нью-Йорка, но понимала, что у меня нет шансов. И даже если бы меня туда приняли, обучение было бы мне не по карману. Наш класс посетил представитель Keystone College⁵ и, ознакомившись с моим портфолио, посоветовал не рассчитывать на поступление к ним, поскольку мои работы были слишком однотипны. Внутри у меня все похолодело. Если провинциальный колледж, всего на ступеньку выше муниципального, считал меня недостойной, как я могла мечтать о престижном вузе? На целый семестр я перестала думать о будущем и поставила себе цель создать как можно больше творческих работ. Я решила, что судьба сама покажет мне путь, и сосредоточилась на искусстве.

Осенью последнего учебного года в школу для знакомства с абитуриентами приехала Кармина Чيانчулли, председатель приемной комиссии. Тайлер, предлагающий

обучение по программе ВФА Университета Темпл, активно пополнялся за счет учеников крупных пенсильванских школ, поскольку плата за обучение была невысокой¹.

Чианчулли оценила мои работы так же, как и представитель Keystone, но сделала это доброжелательно, отметив, в отличие от него, потенциал и подарив мне надежду. Анджела Гловач, мой учитель по искусству (которую мне стоило бы называть не иначе как святой Гловач), расхваливала меня на все лады. Она говорила, что у меня есть способности, но возможность развивать их появилась недавно и что Тайлер станет отличным местом для творческого самовыражения. Честно говоря, я готова была идти туда, куда меня возьмут. Трудно поверить, но в тот день Кармина одобрила мою кандидатуру. Не помня себя от счастья, я тут же выслала документы в Темпл.

В сентябре, после окончания школы, я переехала в кампус на окраине Филадельфии. Я могла начать жизнь с чистого листа. В школе мне казалось, что я никогда не догоню одноклассников, которые годами занимались с репетиторами и ходили на подготовительные курсы, но в колледже я чувствовала себя наравне со всеми. Тайлер с его обветшавшим кампусом в Элкинс-Парке (реконструкция откладывалась из-за «скорого» переезда в главный кампус в центре города, который занял более 15 лет) и примерно тысячей студентов заполнили лучшие годы моей жизни. Это было фанатичное сообщество полувзрослых людей, которые не избежали ни одного стереотипа на своем пути, но при этом сумели очень творчески адаптировать типичную студенческую жизнь.

Учеба затянула меня с головой. Я не могла выбрать специализацию, поскольку мне нравились абсолютно все предметы: скульптура, живопись, фотография. Но внутри по-прежнему что-то скребло — я понимала свой уровень. Увидев школьные работы сокурсников, я застенялась своих посредственных тревожных абстрактных картин. Мне было девятнадцать, и казалось, что в моей жизни нет интересных событий, вдохновляющих на творческий проект. Я понимала узость своего восприятия и жизненного опыта. Можно с энтузиазмом выполнять учебные задания (работа с цветом, рисование фигур и прочее), но что я буду делать, когда учеба закончится и с помощью полученных навыков мне придется выражать себя?

На втором курсе я впервые попала на занятие по графическому дизайну, и передо мной наконец-то показался путь (может, не весь, а всего лишь несколько метров). Я почувствовала облегчение от того, что появилась возможность создавать не самовыражающее произведение, а решающее проблему. Если бы я хотела представить свою карьеру в виде образа, то выбрала бы созвездие: линию, на которой иногда возникают вспышки энергии и слегка или кардинально меняют направление. Дизайн можно назвать одной из таких вспышек — моментом «вау», который убедил меня в правильности всех принятых решений. Он стал выходом для накопившейся энергии. Я работала до самозабвения. Если для проекта требовался один постер, я делала пять. Я не упускала ни одной возможности усовершенствовать проекты: совмещала иллюстрации и леттеринг (тогда еще не предполагая, что это мое призвание). Я внимательно относилась к этапам, которым посвящала больше всего времени (то есть которые я прокрастидела*), и отмечала их для себя, понимая, что каждый из них предвещает очередную вспышку в моем карьерном созвездии.

Учеба представляла собой калейдоскоп предметов по дизайну — упаковка, брендинг, многостраничные издания, арт-директорство — и череду бессонных ночей у компьютера вместе с такими же бесплотными созданиями. Однажды мы наткнулись в одном из кабинетов на забытый кем-то диск группы Postal Service, и эта музыка стала нашим музыкальным фоном до конца учебы: мы так уставали, что было не до нового диска. По ночам мы регулярно бегали в Wawa² за кошмарным кофе и сэндвичами. Мы шутили на тему шрифтов и находили это чрезвычайно остроумным. Восхитительные времена! По мере приближения выпускного мы наводили лоск в своих портфолио — огромной черной папке, от которой зависело наше будущее.

Конкуренция была нешуточной, но я окончила учебу с лучшим портфолио в группе. Ночные посиделки в компьютерной лаборатории, учебная нагрузка на пределе возможностей и критика, от которой периодически наворачивались слезы, стоили того.

Я работала как проклятая, тяжелее, чем когда-либо, — и не жалею ни об одной минуте. За эти четыре года я прикипела к своей работе всей душой, при этом

успевала встречаться с друзьями, пару раз влюблялась, гоняла по ночной Филадельфии на велосипеде, ездила на фестивали инди-рока в Первую унитарную церковь. Работа и жизнь слились воедино. И спустя годы ничего не изменилось.

У одного из моих преподавателей, Пола Кеппла, в Филадельфии была своя дизайн-студия — Headcase Design. Я стала ее первым стажером во многом благодаря слегка назойливой привычке задавать вопросы после лекций. По окончании учебы стажерство плавно перетекло во внештатную работу с полной загрузкой. Мне нравилось в Headcase по многим причинам. Пол — невероятно талантливый и добрый человек, к тому же прекрасный наставник. Мы сидели в его суперстильном лофте и делали классные проекты. Прежде всего это сложный книжный дизайн и иллюстрации, благодаря чему я лучше узнала два разных процесса и еще больше полюбила последний. Headcase оформляла памятную книгу о бродвейском мюзикле «Злая» (Wicked), за которой последовали похожие проекты: памятная книга для «Клана Сопрано» (мне обязательно надо сходить на съемки! Я купила себе такие же очки, как у дяди Джуниора!) и книги для бродвейского шоу Avenue Q (в памяти все еще крутятся некоторые мелодии).

Headcase Design — маленькая студия, и меня мотивировала причастность ко всем ее проектам. Через несколько месяцев многие мои однокурсники нашли работу в других городах и уехали из Филадельфии. Я же подружилась с местными фрилансерами-иллюстраторами. Наблюдая, как они работают (нередко больше, чем коллеги с «настоящей» работой, зато из дома и подстраивая график под себя), я поняла, к чему стремиться: когда-нибудь моя жизнь будет такой же. После шести месяцев работы мои часы в Headcase урезали: Пол не мог взять третьего штатного сотрудника, и я стала фрилансером.

Той осенью я подготовила свою первую настоящую рекламу: набор открыток «Двенадцать дней Рождества» с причудливыми иллюстрациями — по одной на каждый день. Я помогала художественному агенту Фрэнку Стерджесу модернизировать его сайт и больше всего на свете хотела присоединиться к его прекрасным иллюстраторам, среди которых были и мои знакомые. Я понимаю, что работы 22-летней девушки и близко не стояли к тому, что делали его ребята. Но, когда Фрэнк увидел мои открытки, в нем что-то шевельнулось и он решил рискнуть (как он позже признался, он увидел потенциал и побоялся, что меня переманят другие агенты). Он вручил мне список 250 арт-директоров в журналах и агентствах, которым я должна была выслать набор своих открыток, и я потратила последние деньги на профессиональные распечатки и марки, а затем заманила на пиццу друзей, которые помогли мне разложить все по конвертам.

Кроме арт-директоров я отправила открытки нескольким художникам, которыми восхищалась. В студенческие годы я черпала вдохновение из их творчества и без задней мысли хотела выразить им свою признательность. Одним из адресатов была Луиза Фили, легендарный дизайнер,

Прокрастиделать — термин, придуманный мною для обозначения работы, которой я занимаюсь, откладывая то, что нужно сделать. Впервые он прозвучал в интервью, которое я дала в 2008 году сайту Humble Pied. Меня попросили что-нибудь посоветовать другим дизайнерам, и я сказала: скорее всего, ваше прокрастиделание — как раз то, чем вы должны заниматься всю жизнь.

Хотя в колледже мне нравились все предметы, я заметила, что некоторые все же нравились больше и ради них я могла отложить любые дела. Наблюдение за своими прокрастиделательными привычками помогло мне определиться со специализацией в колледже и подтолкнуло к леттерингу. Я продолжала заниматься этим — иногда при выполнении сторонних заказов, иногда непосредственно с клиентскими проектами, — и эта попытка работать над тем, что сейчас затягивает с головой, помогала сохранить мотивацию и продуктивность.

¹ Темпл — государственный университет Пенсильвании, в котором есть два вида оплаты за обучение: для жителей штата и для остальных. Автор имеет в виду, что даже для пенсильванцев плата здесь ниже по сравнению с другими вузами.

² Американская сеть небольших университетов с кафетериями.

чья изумительная винтажная типографика приводила меня в восторг. Через несколько недель ожидания ответа хоть от кого-нибудь я получила его от человека, о котором даже думать не смела, — Луизы. В ее нью-йоркской студии открылась вакансия младшего дизайнера, и она пригласила меня на собеседование. Радость смешалась со страшным волнением. Я только-только вошла в колею: потихоньку стали налаживаться регулярные заказы, я вела занятия в университете Филадельфии и в мыслях не держала переезд в Нью-Йорк или поиск штатной работы. Я старалась построить фрилансерскую карьеру. После собеседования Луиза сделала мне предложение, и я очутилась перед выбором: все более комфортная жизнь в Филли или новая, восхитительная и пугающая в Нью-Йорке. Было понятно, что нельзя упустить шанс, но меня по-прежнему страшила необходимость все бросить и одной переехать на новое место.

Через несколько недель я уже делила квартиру в Гринпойнте (Бруклине) с соседкой старше меня почти на 15 лет, которую я нашла на Craigslist¹, и сражалась с бронхитом и одиночеством нью-йоркской зимы. С работой все было замечательно, но я долго привыкала к городу и особенностям местного общения (обычно подразумевающего, что вы приглашены и не стоит ждать предложений). Я начала общаться с несколькими иллюстраторами в Бруклине (из тех, что ответили на мои рассылки по приезду сюда), и вскоре они стали моими лучшими друзьями. Несмотря на замечательные условия в студии, я по-прежнему лелеяла мечты о самостоятельной деятельности и после работы до часу-двух ночи сидела над внештатными заказами. Некоторые из моих новых друзей арендовали студии в Pencil Factory (бывшая фабрика Eberhard Faber, набитая теперь художественными мастерскими), и я подумала, что мне тоже неплохо бы обзавестись отдельным рабочим помещением, даже если я буду использовать его лишь время от времени. Во всяком случае это лучше, чем маленькая квартирка.

Наш ритм не всегда совпадал: кто-то трудился днем, кто-то, как и я, поздно по ночам, но часа или двух на стыке их дневного дежурства и моего ночного хватало, чтобы зарядить меня бодростью на весь вечер. Я работала без выходных, но мне это нравилось.

Поскольку ночная работа (иллюстрации) не имела ничего общего с дневной (дизайн), мотивация в целом оставалась на высоте (до меня стало доходить, что при круглосуточном режиме нужно вносить разнообразие или как-то разделять день: так легче сохранить равновесие и продуктивность).

Я уходила в студию утром и проводила там весь день, обучаясь у Луизы, рассматривая множество прекрасных книг и других печатных изданий. Это было важное время в моей жизни, и я бесконечно благодарна Луизе за все, чему она меня научила. Благодаря одному из проектов до меня дошло, сколько нюансов надо учесть. Мы делали дизайн упаковки для кондитерской компании и искали художника, который нарисует ингредиенты. Я понимала, что мир иллюстрации безграничен и есть люди, которые специализируются на детских книгах, или концептуальных издательских проектах, или чем-то в этом духе, но оказалось, нам нужен человек, который рисует только шоколад и другую фотореалистичную еду. Это было потрясающе. Как раз в то время я читала «Гениев и аутсайдеров» Малкольма Гладуэлла², и меня зацепило его правило десяти тысяч часов. Меня впечатлили и мотивировали иллюстраторы — реальные люди, мало чем отличающиеся от меня, которые занимаются каким-нибудь одним странным направлением. До того момента я была уверена, что леттеринг — нечто второстепенное для дизайнера, необходимое лишь для того, чтобы придать проекту налет ручной работы, но никак не занятие на всю жизнь.

В леттеринге удивительным образом сошлось то, что привлекает меня в дизайне и иллюстрации. Мне нравятся темп и объемы редакционных иллюстративных проектов (обычно быстрых, «разовых») и сотрудничество с творческой командой и арт-директорами. Работая над графическим дизайном, я могу с утра до ночи любоваться прекрасной типографикой, разнообразием форм и стилей. Выбор здесь зависит от потребностей клиента или концепции проекта.

Леттеринг позволяет мне оставаться иллюстратором, но задействовать все навыки типографики. Я с восхищением рисовала логотипы и книжные заголовки и задумывалась, как внедрить леттеринг в свою внештатную иллюстраторскую работу.

Через два года работы для Луизы моя жизнь немного вышла из-под контроля. Меня стал напрягать плотный график. Постоянный стресс и недостаток сна вылились в череду бронхитов. Я была вынуждена браться за все внештатные заказы из опасения, что поток иссякнет и моя фрилансерская мечта никогда не осуществится. Однако весной 2009 года я посчитала свои доходы и приятно удивилась: оказалось, что фрилансерством я заработала вдвое больше, чем штатной работой. Стало ясно: у меня достаточно сил (и сбережений в банке на черный день), чтобы полностью перейти на удаленку. Но я еще не готова была бросить студию: мне нравилось работать у Луизы, и мы сблизились за эти два года. Еще несколько месяцев я набиралась смелости сказать, что уйду, и в сентябре 2009 года моя ночная работа стала дневной. Теперь я трудилась только на себя.

Новый гибкий график позволил мне уделять время сторонним проектам. Один из них, Daily Drop Cap, стал ярчайшей вспышкой в моем карьерном созвездии. По большей части мне заказывали иллюстрации для презентаций; леттеринговые проекты попадались нечасто, а мне было важно заниматься ими каждый день, даже если мне за это не платили. Нельзя было допустить атрофии типографических мускулов — я накачивала их очень долго, пока работала для Луизы. Я поставила себе цель: рисовать каждый день по одной букве, пока не проработаю 12 алфавитов (я выбрала эту цифру, решив, что в итоге смогу сделать из них календарь или что-то вроде того), не ограничивать себя какими-либо конкретными стилями и начинать каждый день с заглавных букв. Я завела аккаунт в Tumblr и принялась за работу, выкладывая каждый день новую букву. В следующие несколько недель и месяцев произошло нечто неожиданное. Проект заметили. По-настоящему заметили. Меня просили дать интервью, у меня появились фанаты: молодые дизайнеры писали, что по примеру Daily Drop Cap они ведут свои ежедневные проекты. Меня приглашали выступить перед студентами университета и даже перед огромной аудиторией на международных конференциях по дизайну.

Число посетителей постоянно росло. На пике у Daily Drop Cap было свыше 100 тысяч уникальных посетителей в месяц — запредельная, на мой взгляд, цифра.

Ко мне стали обращаться клиенты с просьбой сделать леттеринг, и я была на седьмом небе от счастья. Параллельно я выполняла и свои авторские проекты, из-за которых моя карьера отклонялась то в одном, то в другом направлении. Но именно Daily Drop Cap впервые зарядил меня энергией, после того как я ушла в свободное плавание. Сейчас, годы спустя, я по-прежнему берусь за сторонние проекты, чтобы добавить изюминки в свое портфолио, немного отвлечься и закрепить навыки, потренировать не участвующие в клиентских проектах участки мозга и поделиться знаниями, которые я накопила за время общения с другими креативщиками (например, на своем сайте Don't Fear the Internet или блок-схеме Should I Work for Free?). Благодаря этим проектам и бесконечным постам в Twitter вокруг меня собралось замечательное, доброе и мотивирующее сообщество.

Многие творческие люди стараются не распространяться о своей жизни, но мои личность и опыт неразрывно связаны с тем, что я делаю и к чему стремлюсь. Дизайн открыл мне двери в потрясающее сообщество, и, в частности, поэтому я и продолжаю рисовать. Я хочу дать всем прекрасным людям, которых повстречала (или еще встречу), возможность почувствовать то же, что и я во время работы. Когда вы соприкоснетесь с тем, что вам нравится, что бы это ни было, ваше сердце станет колотиться, а эмоции захлестывать. Мне повезло, что я нашла свое призвание, и я хочу, чтобы такой шанс выпал и другим. Надеюсь, эта книга поможет вам найти способ заниматься любимым делом и получать за это деньги. А если нет, то, по крайней мере, вы сможете полюбоваться красивыми картинками.

¹ Craigslist — онлайн-площадка объявлений, в том числе по поиску соседей для совместной аренды.

² Издана на русском языке: Гладуэлл М. Гении и аутсайдеры. Почему одним все, а другим ничего? М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. *Прим. ред.*

Искусство типографики

Леттеринг, каллиграфия и шрифтовой дизайн

колледже я не знала, что такое леттеринг, и не думала, что стану им заниматься. Наверняка у многих так было. Моя история похожа на истории многих из нашей сферы — о том, как они нашли себя.

Обычно все начинается с общего представления о том, что нас привлекает (у молодых и неопытных людей это, как правило, нечто специфическое), и лишь со временем мы проваливаемся в глубину своих интересов. Поиск призвания можно сравнить с погружением в музыку. Вначале вы слушаете всех исполнителей определенного жанра, например рока или фолка, затем начинаете понимать, какие группы вам нравятся, внимательнее изучаете отдельные стили. У вас появляются кумиры, и вы смотрите, кто повлиял на их творчество. И так пока не найдете свое. И когда наконец вы поймете, что жить не можете без монгольского горлового пения, путь к нему покажется простым.

Стоит объяснить всем, кто не видит разницы между направлениями типографики, что такое леттеринг. В мире создателей букв обитают каллиграфы, леттереры и шрифтовые дизайнеры. Первые и вторые создают отдельные произведения, а третьи — системы букв (гарнитуры), которые можно использовать в различных комбинациях и которые известны как шрифт (часть ПО, которое мы устанавливаем на свой компьютер). Каллиграфы пишут слова, леттереры рисуют*. Каллиграфы «учат» свои руки в совершенстве владеть инструментами (разными видами перьев и кистей) и доводят свои действия до автоматизма. Они способны быстро и профессионально выполнить любой заказ на создание надписи. Есть очень разносторонние каллиграфы, но большинство, как правило, выбирают несколько стилей, в которых совершенствуются. Когда приходится выполнять заказ на пару сотен приглашений на свадьбу, включается мышечная память и из-под перьев и кистей вылетают безупречно ровные буквы.

Если у вас появится возможность посетить занятие или мастер-класс по каллиграфии, не упустите ее. Очень (очень!) советую.

Зная, как разные инструменты влияют на форму буквы, вы сможете улучшить навыки леттеринга, шрифтового дизайна и графического дизайна в целом. Я никудышный каллиграф, но в леттеринговых проектах

1.

Векторная графика — рисование в компьютерной программе, где изображение строится на основе опорных точек, образующих контур, в отличие от растровой графики, где оно состоит из пикселей (точек разного цвета). Векторные контуры можно использовать для создания простых и сложных рисунков.

2.

Опорные точки — базовые элементы векторного контура (линия/сегмент). Они есть в начале и конце каждой кривой, а также на ее изгибе.

руководствуюсь каллиграфическими стилями, и каждый раз, когда я беру ширококонечное, остроконечное перо или брашпен (с. 44), я поражаюсь тому, как ведет себя буква. При желании леттереры могут нарушать правила, пренебрегать логикой пера и кисти и создавать сумасбродные формы, бросающие вызов традициям. Но, чтобы нарушать правила, их нужно знать. Основы каллиграфии помогут вам критически взглянуть на свой леттеринг. Если рисунок выглядит не совсем так, как хотелось бы, вы поймете, что исправить. Например, вы сразу заметите, что это случилось из-за нарушения логики письма — если бы вы писали пером, широкий штрих не мог бы появиться с этой стороны буквы и т. д.

Леттереры используют разные методы — кто-то рисует, кто-то создает чисто технические иллюстрации, кто-то более художественные. Я предпочитаю компьютер и программы для создания векторной графики (1).

*

Нелегко объяснить разницу между каллиграфией и каллиграфическим леттерингом или шрифтовым дизайном. Есть множество каллиграфических (рукописных) шрифтов, и леттереры часто их используют. Иллюстрация сверху — каллиграфическая надпись Мары Зепеды, а внизу — мой леттеринг карандашом (моя работа очень похожа на надпись Мары и нарисована с ее разрешения только для наглядности). Надписи различаются способом создания.

Я рисую буквы шаг за шагом с помощью опорных точек (2). Техники леттерера, как ничто другое, влияют на ваше портфолио. Мы работаем во многих типографских стилях, и постоянный (или стабильно непостоянный) способ действий объединяет все наши проекты. Я люблю леттеринг за то, что в нем сходятся мои любимые моменты в иллюстрации (работа преимущественно с другими творческими людьми, а не напрямую с клиентом, более короткие сроки, интересная и разнообразная тематика) с самым любимым в дизайне (типографика и разнообразие стилей и подходов, которые можно использовать в проекте). Когда клиент просит нарисовать какую-нибудь штуку, он, как правило, смутно представляет, как она должна выглядеть. Скорее всего, он увидел нечто похожее среди ваших работ и обратился к вам, чтобы вы нарисовали точно так же.

Ниже показаны самые распространенные стили шрифтов и леттеринга. Но есть огромное количество подстилей. Леттеринг в примерах — работа вашей покорной слуги. Однако даже быстрый поиск по сайту любого продавца шрифтов, например Myfonts.com, выдаст тысячу гарнитур в каждой категории.

На самом деле woodtype — не только название стиля и средство производства шрифта, а любые надписи (в основном крупные заголовки), созданные с помощью деревянного (не металлического) набора. Они бывают очень красивыми.

Рукописный

Готический

Гротеск

Антиква

Причудливый woodtype

Возможно, как леттереру вам придется не единожды рисовать слово Love для разных клиентов, и каждый раз оно будет выглядеть иначе в соответствии со спецификой статьи, книги или рекламной продукции. Вы можете изобразить его сотни раз и не повториться, работая в разных стилях — рукописном, готическом, рисуя антиквы, гротески или даже имитируя стиль печати деревянными литерами (woodtype)*. Да, при работе на заказ вы действуете по накатанной, но даже при этом каждый раз что-нибудь изменяете, улучшаете.

Шрифтовые дизайнеры — обычно сумасшедшие художники-технари, корпеющие годами над какой-то программой, за которую никто не хочет платить. Многие не задумываются, что шрифты, которыми они пользуются ежедневно, создали вполне реальные люди, многие из которых здравствуют и поныне и доступны по электронной почте. Шрифтовые дизайнеры рисуют буквы, и каждая из них взаимодействует с любым другим глифом (знаком) в гарнитуре. Шрифт должен одинаково хорошо устанавливаться на новую модель Mac с дизайнерскими программами последнего поколения и старенький ПК, где главное дизайнерское ПО — Microsoft Word. Шрифт должен включать «защиту от дураков» и соответствовать требованиям завтрашнего дня. При его создании надо учитывать, что в реальности мало кто понимает, как настроить кернинг (1)** в InDesign. Многие никогда не воспользуются прекрасными функциями OpenType, которые дизайнеры встраивали в свои шрифты неделями или месяцами, но будут писать раздраженные сообщения о том, что не могут найти причудливых витиеватых росчерков, которые им обещали***. Я пробую себя в шрифтовом дизайне, но не могу назвать себя специалистом. Шрифтовым занудам я отвечаю, что я на стадии Fuzzy Navel¹ моей типографской карьеры, но, возможно, когда-нибудь перейду на односолодовый виски. А пока я просто получаю удовольствие от леттеринга.

1.

Кернинг — корректировка расстояния между парами знаков в дизайне или проектировании шрифта. В ручном наборе уменьшали расстояние между буквами, подрезая часть металлических литер и оставляя керн, или часть литеры, свисать с металлического тела (кегельной площадки).

В хороших шрифтах кернинг определяется автоматически, поэтому начинайте с настройки «Метрический -> Авто» (Auto/Metrics), которая использует данные, встроенные в шрифт дизайнером. Функция «Оптический» (Optical) учитывает информацию из файла шрифта и устанавливает новый кернинг. Чтобы отключить кернинг совсем, в палитре «Символ» надо параметру «Кернинг» задать значение 0, и тогда в качестве пробелов будут использоваться только границы форм букв.

Для справки: вы можете подключить функции OpenType в Illustrator или InDesign через палитру OpenType и найти все дополнительные знаки используемой гарнитуры в панели глифов.

¹ Популярный алкогольный коктейль 1980-х, в состав которого входит много апельсинового сока.

